

Пьер Жильяр
При дворе Николая II. Воспоминания
наставника цесаревича Алексея. 1905-1918

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618015

При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея: ЗАО Центрполиграф;

Москва; 2006

ISBN 5-9524-2269-1

Аннотация

Пьер Жильяр был наставником цесаревича Алексея, сына Николая II. Бесстрашный француз добровольно отправился с опальной царской семьей в Сибирь и старался чем мог скрасить пребывание в заточении царя, царицы и их детей. Жильяр передал потомкам драгоценные сведения о последних днях императорской семьи, оставил яркие психологические портреты Распутина, Вырубовой и многих других известных личностей этой трагической эпохи в жизни России.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	4
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пьер Жильяр

При дворе Николая II

Воспоминания наставника цесаревича Алексея

ВСТУПЛЕНИЕ

В сентябре 1920 года, пробыв в Сибири три долгих года, я наконец смог вернуться в Европу. Я все еще мучительно переживал страшную драму, свидетелем которой стал. И одновременно не переставал восхищаться чистотой и искренней верой тех, кто стал жертвой трагедии. Поскольку в течение многих месяцев был полностью оторван от внешнего мира, я не был знаком с последними публикациями о государе Николае II и его семье. Однако я очень скоро обнаружил, что в этих публикациях не было главного – точности, и, хотя их авторы ссылались на очень солидные источники, данные, которые они приводили, были часто ошибочны или, по крайней мере, неполны в том, что касалось императорской семьи. В большинстве же своем эти публикации представляли собой собрание нелепиц и лжи.¹

Мне было откровенно неприятно читать некоторые из них. Мое негодование не имело границ, когда я, к своему изумлению, понял, что вся эта ложь с удовольствием проглатывается читающей публикой.

Я считал своим долгом восстановить нравственный облик русских монархов, и эта обязанность требовала всей моей честности и справедливости. В своей книге я пытаюсь описать драму жизни, – драму, которую я сразу же почувствовал за внешним блеском русского двора и которую лично узнал, когда волею обстоятельств находился рядом с царской семьей. Екатеринбургская трагедия была не чем иным, как исполнением безжалостной судьбы, завершением одной из самых трогательных душ историй, которые когда-либо знал мир.

Очень мало людей знали об этой тайной печали, но с исторической точки зрения ее значимость трудно переоценить. Болезнь цесаревича отбросила тень на весь последний период правления царя Николая II, и это многое объясняет. Подспудно она явилась одной из главных причин его падения, потому что только она сделала возможным появление Распутина и привела к роковой изоляции царской семьи, которая жила в своем замкнутом мире, полностью погрузившись в драму, которую надо было тщательно скрывать от посторонних глаз.

В этой книге я попытался вернуть Николая II и его семью к жизни. Моя цель – быть абсолютно беспристрастным и сохранить полную независимость суждений в описании событий, очевидцем которых я был. Возможно, в своем поиске правды я даю в руки их врагов лишние козыри, но я искренен. Надеюсь, что моя книга покажет их такими, какими они были, ведь в них меня привлекло не императорское величие и окружавший их блеск, но благородство ума и твердость духа, которую они продемонстрировали в этих трагических обстоятельствах.

Пьер Жильяр

¹ Чтобы дать вам некоторое представление о том, что я имею в виду, приведу такой пример: в одной из этих книг (которая основана на свидетельских показаниях очевидца событий драмы, разыгравшейся в Екатеринбурге, что гарантирует ее достоверность) приводится описание моей собственной смерти! Все остальное – такого же рода вымысел. Все, кого интересуют подробности конца правления Николая II, должны всенепременно прочитать замечательные работы М. Палеолога, посла Франции в России. (Здесь и далее примеч. авт.)

Глава 1

МОИ ПЕРВЫЕ УРОКИ ПРИ ДВОРЕ (осень 1905 г.)

Осенью 1904 года я принял предложение стать учителем французского при дворе принца Сергея Лейхтенбергского.

Отец моего ученика принц Георг Лейхтенбергский был внуком Евгения де Богарне; по матери, великой княгине Марии Николаевне, дочери Николая I, он был кузеном царя Николая II.

В то время вся семья жила в небольшом поместье на берегу Черного моря. Там они провели всю зиму. Именно там их застали трагические события 1905 года, и именно там они пережили много страшных часов во время восстания на Черноморском флоте, обстрела побережья, целой череды погромов и следовавших за ними актов насилия. С самого начала Россия повернулась ко мне своей ужасной, угрожающей стороной. Но это оказалось лишь прелюдией к тем ужасам и страданиям, которые были у нее для меня в запасе.

В начале июня семья поселилась на Сергиевской даче, в Петергофе. Этот особняк принадлежал принцу. Мы только что покинули пустынный берег Южного Крыма с его пыльными кипарисами и маленькими татарскими деревушками, прилепившимися к склонам гор. Контраст между этим унылым пейзажем и великолепными видами берегов Финского залива был разителен.

Петергоф в свое время был любимой резиденцией Петра Великого. Именно там он отдыхал от тяжелых трудов, коих у него было немало, – как раз в это время строился Санкт-Петербург, город, который по его велению, как по мановению волшебной палочки, поднялся на болотах у устья Невы. Этому городу предстояло стать достойным соперником величайших столиц Европы.

Все в Петергофе напоминает о его создателе. Во-первых, это Марли, где Петр время от времени жил, – маленький домик на кусочке суши, разделяющей два великих озера. Во-вторых, это Эрмитаж, где он любил устраивать приемы для своих ближайших сподвижников; на этих приемах вино всегда лилось рекой. В-третьих, это Монплеизир, здание в голландском стиле с террасой, выступающей над морем. Это была его любимая резиденция. И наконец, Большой дворец, который со всеми своими прудами и парками мог вполне соперничать с Версалем.

Все эти здания, за исключением Большого дворца, производят впечатление заброшенных, пустынных сооружений, которые вернуть к жизни могут только воспоминания о прошлом.

Царь Николай II унаследовал от предков любовь к этому великолепному месту и каждое лето привозил сюда свою семью; они жили в небольшом дворце в Александрии, который стоял в глубине парка, вдали от назойливых любопытных глаз.

Семья принца Лейхтенбергского все лето 1905 года провела в Петергофе. Между Александрией и Сергиевской дачей движение замирало только на ночь, ведь царица и принцесса Лейхтенбергская были близкими подругами. Тогда я впервые имел возможность увидеть членов императорской семьи.

Когда истек срок моего контракта, мне было предложено остаться наставником моего подопечного и одновременно давать уроки великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, двум старшим дочерям царя Николая II. Я согласился и после непродолжительной поездки в Швейцарию в начале сентября вернулся в Петергоф.

В день первого урока с великими княжнами за мной заехала императорская карета, которая отвезла меня в Александрию, где жили царь и его семья. Несмотря на наличие

одетого в ливрею кучера, императорский герб на дверцах кареты и на распоряжения относительно моего приезда (которые, без сомнения, были), оказалось, что попасть в резиденцию их величеств вовсе не легко. Меня остановили у парковых ворот и только после продолжительных выяснений личности и цели визита пропустили внутрь. Повернув за угол, я довольно скоро увидел два небольших кирпичных здания, соединенные крытым переходом. Если бы карета не остановилась, мне бы и в голову не пришло, что я уже добрался до пункта назначения.

Меня провели в небольшую комнату на втором этаже, убранную в сдержанном английском стиле. Дверь отворилась, и в комнату вошла царица, держа за руки дочерей, Ольгу и Татьяну. Любезно поприветствовав меня, она села за стол и предложила мне место напротив нее. Дети уселись по обоим концам стола.

В то время царица была еще очень красивой женщиной. Она была высока, стройна, а осанка ее поражала благородством и достоинством. Но все это отходило на второй план, стоило вам взглянуть ей в глаза – эти говорящие серо-голубые глаза, в которых отражались все эмоции ее чувствительной души.

В то время Ольге, старшей из великих княжон, было десять лет. У нее были светлые волосы, блестящие шаловливые глаза и слегка вытянутый нос. Она изучающе смотрела на меня, словно пыталась найти брешь в моей броне. Во всем облике этого ребенка было столько чистоты и искренности, что не полюбить ее было невозможно.

Второй дочери, Татьяне, было восемь с половиной лет. У нее были золотистые волосы. Она была более хорошенькой, чем сестра, однако производила впечатление менее открытого, искреннего и порывистого ребенка.

Урок начался. Я был поражен, если не сказать – потрясен, простотой сцены, которую представлял себе совсем иначе. Царица внимательно слушала мои объяснения и замечания. У меня было такое ощущение, что я не давал урок, а сдавал экзамен. Разница между ожидаемым и реальностью выбила меня из колеи. К тому же я почему-то считал, что мои ученицы будут лучше владеть французским, чем это оказалось на самом деле. Я подобрал упражнения, которые оказались для них сложноваты. Подготовленный мной урок оказался бесполезен, и мне пришлось импровизировать на ходу. Наконец, к моему великому облегчению, раздался бой часов, и моим мучениям пришел конец.

В течение нескольких следующих недель царица присутствовала на всех моих уроках и проявляла к ним живейший интерес. Очень часто, когда девочки уходили, мы разговаривали с ней о новейших методиках обучения иностранным языкам. Меня поражало, насколько разумны были ее доводы.

В моей памяти навсегда запечатлелся урок, который я дал дня за два или за три до подписания манифеста в октябре 1905 года, результатом которого стал созыв Думы. Царица сидела на низком стуле возле окна. Мне сразу показалось, что она чем-то озабочена. Несмотря на все усилия, ее лицо выдавало внутреннее волнение. Она старалась сосредоточиться на нашем занятии, но скоро снова погрузилась в невеселую задумчивость. Ее взгляд снова стал отрешенным.

Как правило, когда заканчивался урок, я закрывал книгу и ждал, когда царица поднимется и тем самым разрешит мне уйти. На этот же раз, несмотря на воцарившееся молчание, царица не пошевелилась и продолжала сидеть, погруженная в свои мысли. Минуты шли, дети начали ерзать и переговариваться. Я снова открыл книгу и начал читать. Только через четверть часа, когда одна из великих княжон подошла к матери, та вышла из оцепенения.

Через несколько месяцев царица поручила одной из своих фрейлин, княжне Оболенской, заменить ее на моих уроках. Тем самым она положила конец испытанию, которому так долго меня подвергала. Должен признаться, это было для меня большим облегчением. В присутствии княжны Оболенской я чувствовал себя гораздо свободнее, к тому же она охотно

помогала мне. И все же эти первые месяцы запомнились мне живейшим интересом, который царица проявляла к образованию и воспитанию детей. Вместо холодной, высокомерной императрицы, о которой я так много слышал, я был удивлен, увидев женщину, со всей серьезностью относящуюся к своим материнским обязанностям.

Тогда же я научился по некоторым признакам понимать, что сдержанность, которую очень многие принимали за высокомерие и из-за которой она нажила себе столько врагов, была результатом природной робости, маской, открывающей ее чувствительную душу.

Я приведу только один пример, наглядно иллюстрирующий тот интерес, который проявляла царица к воспитанию своих детей, и важность, которую она придавала уважительному отношению детей к их учителям. Когда она присутствовала на моих уроках, входя в комнату, я всегда видел учебники и тетради, аккуратно сложенные и приготовленные для моих учениц, так что мне ни разу не приходилось ждать ни минуты. И позже все осталось точно так же. Со временем к моим первым ученицам Ольге и Татьяне присоединились Мария (в 1907 году) и Анастасия (в 1909 году), когда им исполнилось по девять лет.

Здоровье царицы, уже подорванное беспрестанной тревогой за жизнь цесаревича, мешало ей пристально, как раньше, следить за образованием дочерей. В то время я не понимал, что кроется за ее внешним безразличием, и был склонен осуждать ее за это, но скоро понял, как глубоко заблуждался.

В 1909 году я перестал быть наставником принца Сергея Лейхтенбергского. Это позволило мне проводить больше времени при дворе.

Глава 2

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. ПОЕЗДКИ В КРЫМ (осень 1911 г. – весна 1912 г.) И СПАЛУ (осень 1912 г.)

Царская семья обычно проводила зиму в Царском Селе, прелестном маленьком городке в 30 милях к югу от Петергофа. Он расположен на возвышенности, на самом верху которой стоит Большой дворец, любимая резиденция Екатерины II. Недалеко от него находится гораздо более скромное здание, Александровский дворец, наполовину скрытый деревьями парка, изобилующего небольшими искусственными прудами. Царь Николай II сделал его одной из своих постоянных резиденций после трагических событий января 1905 года.

Царь и царица занимали первый этаж одного из крыльев дворца, а дети жили на втором. В центральном корпусе располагались кабинеты, а во втором крыле жили отдельные члены свиты.

Именно там я впервые увидел цесаревича Алексея Николаевича, которому тогда было полтора года от роду. Вот как это произошло. В тот день я, как всегда, отправился в Александровский дворец, куда обязанности призывали меня несколько раз в неделю. Я как раз заканчивал урок с Ольгой Николаевной, когда в комнату вошла царица с сыном и наследником на руках. Она подошла к нам, очевидно желая показать того члена семьи, с которым я еще не был знаком. Я видел, что ее переполняла радость матери, самое заветное желание которой наконец исполнилось. Она была горда и счастлива. Цесаревич был прелестным ребенком – с милыми кудряшками и огромными серо-голубыми глазами, обрамленными густыми, загнутыми ресницами. У него был вид здорового, цветущего ребенка, а когда он улыбался, на пухлых щеках появлялись очаровательные ямочки. Когда я подошел, в его глазах появилось испуганное выражение, и мне не сразу удалось уговорить его протянуть мне свою крошечную ручку.

В этот момент я увидел, как царица судорожно прижала к себе малыша, как мать, которая, как все матери, боится за жизнь своего ребенка. Но у нее это движение выдало тайное дурное предчувствие. Оно было столь явным, что не могло ускользнуть от моего внимания. Очень скоро я понял его причину.

В последующие годы у меня было много возможностей видеть Алексея Николаевича, который часто убегал от своего денщика и врвался в комнату сестер. Правда, его довольно скоро уводили оттуда. Но иногда эти его «набеги» вдруг прекращались, и я его не видел довольно продолжительное время. В такие периоды во дворце поселялись тревога и уныние. У моих учениц это проявлялось в глубокой печали, которую они тщетно пытались скрыть. Когда я спрашивал, в чем дело, они уклончиво отвечали, что Алексею Николаевичу нездоровится. Из других источников я знал, что он подвержен некоей болезни, о характере которой мне никто ничего не говорил.

Как я уже говорил, когда в 1909 году я был освобожден от обязанностей наставника принца Сергея Лейхтенбергского, я смог уделять больше внимания великим княжнам. Я жил в Санкт-Петербурге и приезжал в Царское Село пять раз в неделю. Хотя число уроков, которые я давал, значительно увеличилось, успехи моих учениц были не такими, как мне хотелось бы. Дело в том, что царская семья несколько месяцев подряд проводила в Крыму. Я очень жалел, что у них не было гувернантки-француженки, потому что, когда они возвращались из Крыма, выяснялось, что они очень многое позабыли. Госпожа Тютчева, их русская гувернантка, несмотря на всю преданность семье и превосходное знание языков, просто не в состоянии была уследить за всем. Чтобы решить эту проблему, царица и попросила меня сопровождать семью, когда они уезжали из Царского Села на долгое время.

Впервые в таком качестве я посетил вместе с царской семьей Крым осенью 1911 года. Я жил в Ялте вместе со своим коллегой, господином Петровым, профессором русского языка, которого также попросили не прерывать занятий. Каждый день мы отправлялись в Ливадию и давали там уроки своим подопечным.

Нас вполне устраивала такая жизнь, потому что все свободное от занятий время мы были предоставлены сами себе и наслаждались красотами «русской Ривьеры». При этом, заметьте, нам не надо было соблюдать правила придворного этикета.

Весной следующего года семья снова провела несколько месяцев в Крыму. Нас с господином Петровым поселили в маленьком домике в парке в Ливадии. Мы питались вместе с несколькими офицерами и придворными. К обеденному столу их величеств были допущены только наиболее приближенные к семье и немногие гости. К вечерней трапезе не допускался никто посторонний.

Однако через несколько дней после нашего приезда императрица пожелала (как я впоследствии предположил) проявить свое уважение к тем, кому доверила образование детей, и повелела придворному камергеру пригласить нас к императорскому столу.

Я был очень тронут этим проявлением доброты и благодарен, однако совместные обеды с императорской семьей были почетной, но очень нелегкой обязанностью – по крайней мере, в самом начале. Правда, следует отметить, что в обычные дни правилам придворного этикета следовали не слишком строго.

Мои ученицы, кажется, тоже уставали от этих длительных обедов, и мы всегда были рады вернуться в нашу комнату для занятий – к урокам и простым, дружеским отношениям. Алексея Николаевича я видел редко. Он почти всегда кушал вместе с царицей, которая обычно оставалась в своих покоях.

10 июня мы вернулись в Царское Село, и вскоре после этого императорское семейство отправилось в Петербург, а оттуда – в ежегодный круиз по фьордам Финляндии на яхте «Штандарт».

В сентябре 1912 года семья отправилась в Беловежскую Пущу,² где они провели две недели, а затем – в Спалу,³ где хотели пробыть подольше. Мы с Петровым присоединились к ним в конце сентября. Вскоре после этого императрица попросила меня начать заниматься и с Алексеем Николаевичем. Наш первый урок с ним состоялся 2 октября в присутствии его матери. Тогда мальчику было восемь с половиной лет. Он не знал ни слова по-французски, и сначала мне было довольно трудно заниматься и просто общаться с ним. Скоро наши занятия прервались на некоторое время, так как мальчик, который с самого начала показался мне не вполне здоровым, был вынужден остаться в постели. И я, и мой коллега были потрясены его бледностью и тем, что его носили на руках, как будто он не мог ходить.⁴ Очевидно, болезнь, которой он страдал, обострилась, и его состояние ухудшилось.

Несколько дней спустя поползли слухи о том, что состояние цесаревича внушает серьезные опасения и что из Петербурга были вызваны профессора Раухфусс и Федоров. Тем не менее жизнь продолжалась, охоты следовали одна за другой; гостей было еще больше, чем всегда.

Однажды вечером великие княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна разыграли две небольшие сценки из «Bourgeois Gentilhomme» – зрителями были их величества, ближайшие придворные и несколько гостей. Я выполнял обязанности суфлера, спрятавшись

² Беловежская Пуща – императорские владения в Гродненской губернии. Эта пуща и Кавказ – единственные места, где водятся зубры, или европейские бизоны. Они все еще обитают в этих лесах, площадь которых составляет более 3 тысяч акров.

³ Спала – древние охотничьи угодья польских королей.

⁴ Обычно его носил на руках Деревенко, бывший матрос императорской яхты «Штандарт», который был приставлен к цесаревичу несколько лет назад.

за ширмой, которая одновременно служила кулисами. Слегка вытянув шею, я мог видеть, как царица, сидевшая в первом ряду, улыбалась и оживленно разговаривала с соседями.

Когда представление закончилось, я вышел из боковой двери и оказался в коридоре прямо напротив комнаты Алексея Николаевича, откуда донесся стон. Неожиданно я заметил, что царица вскочила и побежала к комнате цесаревича. Я отшатнулся, давая ей пройти, но она, кажется, даже не заметила моего присутствия. У нее был отсутствующий вид – она явно была охвачена паникой. Я вернулся в столовую. Там все были оживлены и веселы. Лакеи в ливреях разносили гостям легкое угощение. Все смеялись и шутили. Вечер был в полном разгаре.

Через несколько минут вернулась царица. Она вновь надела на себя маску счастливой и беззаботной матери и заставила себя улыбаться собравшимся. Но я заметил, что император, по-прежнему участвовавший в общей беседе, занял позицию, с которой можно было наблюдать за дверью. И еще я увидел, какой отчаянный взгляд бросила ему царица, войдя в комнату. Час спустя я вернулся к себе в комнату, глубоко опечаленный всем виденным, – я вдруг понял всю трагедию этой двойной жизни.

Тем не менее, хотя состояние больного ухудшалось, жизнь в целом не претерпела внешних изменений. Единственное – мы все реже видели императрицу. Что касается императора, то ему удавалось скрывать свою тревогу, и он продолжал участвовать в охотах, а на обеды по вечерам по-прежнему собирались многочисленные гости.

17 октября из Санкт-Петербурга наконец прибыл профессор Федоров. Вечером мне удалось лишь мельком увидеть его. Он выглядел очень озабоченным. Назавтра был день ангела Алексея Николаевича. По этому случаю была проведена церковная служба, но более никаких праздничных мероприятий не планировалось. Все без исключения следовали примеру их величеств и всеми силами пытались скрыть свою обеспокоенность и даже тревогу.

19 октября у больного резко поднялась температура. Во время обеда императрица послала за профессором Федоровым. 20 октября Алексею Николаевичу стало еще хуже. Однако на обеде присутствовало несколько гостей. На следующий день граф Фредерикс попросил у императора разрешения опубликовать бюллетень о состоянии здоровья наследника престола. В тот же день первый бюллетень был отправлен в Санкт-Петербург.

Таким образом, потребовалось вмешательство высшего сановника двора, чтобы было решено признать серьезность положения Алексея Николаевича.

Почему царь и царица подвергли себя этой мучительной процедуре? Почему они заставляли себя появляться среди гостей с улыбками на лице, в то время как их единственным желанием было неотлучно находиться рядом со своим тяжелобольным сыном? Причина тому была проста: они не хотели, чтобы мир узнал о природе болезни наследника, и считали это, как я уже смог убедиться, государственной тайной.

Утром 22 октября у цесаревича температура поднялась до 40 градусов. Однако к полудню боли постепенно уменьшились, и доктора смогли приступить к более тщательному обследованию больного, который ранее категорически отказывался от этого под предлогом невыносимых страданий.

В три часа пополудни в лесу был отслужен церковный молебен. На нем присутствовали крестьяне из соседних областей.

Начиная с предыдущего дня дважды в день возносились молитвы за здоровье наследника престола. Поскольку в Спале не было церкви, в парке вскоре после нашего приезда разбили палатку с переносным алтарем. Там днем и ночью нес службу священник.

Через несколько дней, в течение которых нас всех мучили дурные предчувствия, наступил кризис, после чего здоровье цесаревича постепенно пошло на поправку. Это был очень долгий и медленный процесс. Однако мы чувствовали, что повод для беспокойства не исчез, хотя перемены к лучшему были налицо. Поскольку состояние больного требовало постоян-

ного наблюдения врачей, профессор Федоров послал за доктором Деревенько.⁵ С тех пор он неотлучно находился при цесаревиче. В это время в газетах очень много писали о болезни юного наследника, причем теории выдвигались самые невероятные. Я лично узнал правду несколько позже – из уст самого доктора Деревенько. Данный кризис был вызван падением Алексея Николаевича в Беловежской Пуще. Пытаясь выйти из лодки, он ударился о ее борт левым бедром, что вызвало обильное внутреннее кровотечение. Он уже поправлялся, когда неосторожное поведение в Спале внезапно осложнило ситуацию. В паху образовалась опухоль, которая чуть не спровоцировала серьезную инфекцию.

16 ноября уже можно было думать о том, чтобы с величайшей осторожностью, но без риска для жизни перевести ребенка из Спалы в Царское Село. Там императорская семья и провела всю зиму.

Состояние Алексея Николаевича требовало постоянного врачебного наблюдения. После болезни в Спале у него временно атрофировались нервы левой ноги, из-за чего он ее не мог самостоятельно вытянуть. Был необходим массаж и ортопедические упражнения, и со временем все это позволило вернуть ноге былую гибкость и подвижность.

Не стоит даже и говорить, что при этих обстоятельствах я и думать не мог о возобновлении занятий с цесаревичем. Так продолжалось до лета 1913 года.

Обычно каждое лето я ездил в Швейцарию. Но в тот год императрица сообщила мне перед отъездом, что по возвращении я стану наставником Алексея Николаевича. Известие породило во мне смешанное чувство радости и беспокойства. Я был горд, что мне оказали столь высокое доверие, но, честно говоря, побаивался сопряженной с ним ответственности. Я чувствовал, что не имею морального права отказываться от столь почетной и трудной задачи, поскольку при данных обстоятельствах я мог воздействовать (хотя бы немного) на интеллектуальное развитие мальчика, который в один прекрасный день станет правителем одного из мощнейших государств Европы.

⁵ Этот человек был однофамильцем Деревенько, матроса, о котором я уже упоминал на страницах этой книги, что явилось причиной многих недоразумений.

Глава 3

Я ПРИСТУПАЮ К СВОИМ ОБЯЗАННОСТЯМ НАСТАВНИКА. БОЛЕЗНЬ ЦЕСАРЕВИЧА (осень 1913 г.)

Я вернулся в Петербург в конце августа. Императорская семья была в это время в Крыму. Я получил соответствующие инструкции от управляющего императорским двором и отправился в Ливадию, куда прибыл 3 сентября. Когда я увидел Алексея Николаевича, он был очень бледен и худ. Его состояние все еще оставляло желать много лучшего. Он принимал горячие грязевые ванны, которые врачи прописали ему и которые считал очень уютными.

Естественно, я ждал вызова императрицы, желая получить лично от нее все указания и пожелания относительно моей работы. Однако на обедах она не присутствовала, да и вообще ее не было видно. Через Татьяну Николаевну она лишь проинформировала меня, что, пока продолжается курс лечения, о регулярных занятиях с Алексеем Николаевичем не может быть и речи. Она также хотела, чтобы мальчик привык ко мне, поэтому просила меня сопровождать его на прогулках и вообще проводить с ним как можно больше времени.

После этого у меня состоялся длительный разговор с доктором Деревенко. Он сообщил, что наследник страдает гемофилией – наследственным заболеванием, которое передается из поколения в поколение по женской линии, но только мальчикам. Он также сказал мне, что малейшая царапина может привести к смерти мальчика, поскольку его кровь не сворачивается, как у нормальных людей. Более того, стенки его вен и артерий столь тонки, что любой удар может спровоцировать их разрыв и вызвать обильное кровотечение.

Вот такой ужасной болезнью страдал Алексей Николаевич. Его жизнь была под постоянной угрозой. Падение, носовое кровотечение, простой порез – пустяки для обычного ребенка – могли закончиться для него самым фатальным образом. Все, что можно было сделать в этой ситуации, – это неусыпно держать его под присмотром, особенно в раннем детстве,⁶ и по возможности не допускать никаких происшествий или несчастных случаев. Именно поэтому по совету докторов к нему были приставлены бывшие матросы Деревенко и Нагорный в качестве личного слуги и телохранителя соответственно. Они по очереди неотлучно находились при нем.

Мои первые контакты с мальчиком прошли не очень-то легко. Я должен был говорить с ним только по-русски. К тому же мое положение было весьма неопределенным: я не имел никаких прав и соответственно – никаких возможностей контролировать его.

Как я уже сказал, сначала я был растерян и разочарован тем, что не имел никакой поддержки от императрицы. Прошел целый месяц, прежде чем я получил от нее соответствующие указания. У меня было такое ощущение, что она не хотела вставать между мной и сыном. Это во многом осложняло мою задачу, но с другой стороны, в этом, возможно, было и некоторое преимущество: освоившись в новой должности, я стал чувствовать себя свободнее. В то же время у меня бывали моменты отчаяния, когда я совершенно не верил в успех и даже был готов отказаться от возложенной на меня миссии.

⁶ Примерно 85 процентов больных гемофилией умирают в раннем детстве и юности. С возрастом риск смертельного исхода уменьшается. И это легко объяснимо. Взрослый человек знает, как соблюдать необходимые меры предосторожности, поэтому случаи травм довольно редки. Хотя гемофилия – болезнь неизлечимая, это не мешает многим больным ею доживать до вполне почтенного возраста. Дети Алексея Николаевича не были бы подвержены этой болезни, так как она передается только по женской линии.

К счастью, в докторе Деревенко я нашел мудрого советчика, чья помощь была просто неоценимой. Он убедительно просил меня проявлять терпение и говорил, что из-за постоянной опасности для жизни мальчика и религиозного фатализма, который развился у императрицы, она полностью положила на волю случая и предпочитала не вмешиваться в ход событий, полагая, что это лишь причинит ребенку лишние страдания, если уж ему все равно суждено умереть. Она не считала возможным уговаривать его принять меня.

Конечно, я и сам понимал, что обстоятельства складываются не лучшим образом, но все равно лелеял надежду, что когда-нибудь здоровье моего подопечного улучшится.

Серьезная болезнь, от которой цесаревич едва оправился, сказала на его состоянии: он был очень слаб и раздражителен. В это время он не терпел замечаний и исправлений. Он вообще не привык к дисциплине. В его глазах я был человеком, назначенным, чтобы требовать от него работы и внимания. Моей задачей было приучать его к порядку и послушанию. К целой толпе прислуги и людей, присматривающих за ним, от которых он спасался бездельем, добавился новый вид контроля, лишивший его и этого последнего убежища. Он понимал это скорее интуитивно, чем осознанно. Я ощущал исходившую от него молчаливую враждебность, которая иногда принимала форму открытого противостояния.

На мне лежал тяжкий груз ответственности, потому что при всем старании исключить возможность несчастного случая не удавалось. В первый же месяц таких инцидентов было три.

Со временем я почувствовал, что мой авторитет в его глазах растет. Царственный ученик все чаще стал доверять мне свои сокровенные мысли, и это давало надежду, что со временем наши отношения перерастут в дружеские.

Чем больше он открывал мне свою душу, тем лучше я понимал его характер и скоро пришел к убеждению, что было бы крайне несправедливо отказывать в праве на надежду ребенку, обладающему столь редкими качествами.

В то время Алексею Николаевичу было девять с половиной лет, и для своего возраста он был довольно высок. У него было удлиненное лицо с правильными чертами, золотистые с медным отливом волосы и большие, как у матери, серо-голубые глаза. Он обожал жизнь и радовался ей, когда это было возможно, и был жизнерадостным, подвижным ребенком. Вкусы его не отличались изысканностью, и он не получал ложного удовольствия от того, что был наследником престола. Он вообще об этом не думал, а самым большим его удовольствием было играть с сыновьями матроса Деревенко (оба они были моложе его).

У него был острый и пытливый ум. Иногда он удивлял меня своими совсем не детскими вопросами. Мне не составляло труда поверить, что те, кто должен был по долгу службы приучать его к дисциплине, поддавали под его обаяние и не могли противиться его желаниям. Под маской маленького капризного существа я обнаружил очень доброго, чувствительного к страданиям других и нежного ребенка. И это не удивляло меня – ведь он сам знал, что такое страдание. Когда я убедился в этом, то преисполнился надеждой на будущее. И все же моя задача была бы во много раз легче, если бы не окружение цесаревича.

Как я уже говорил, у меня сложились отличные отношения с доктором Деревенко. Однако по одному вопросу наши точки зрения не совпадали. Я считал, что постоянное присутствие матроса Деревенко и его помощника Нагорного вредит ребенку. Любое вмешательство извне в ход событий, когда ребенку могла угрожать опасность, как мне казалось, мешало воспитанию у цесаревича силы воли и наблюдательности. Сколько он (возможно) приобретал в смысле безопасности, столько же он мог потерять в реальной дисциплине. Я полагал, что было бы лучше дать ему больше свободы и приучить искать в себе самом необходимые силы, чтобы сдерживать собственные порывы или необдуманные действия.

К тому же всякого рода происшествия по-прежнему случались. Было просто невозможно оградить и защитить его от всего на свете. Чем строже мальчика контролировали

и опекали, тем больше раздражения это вызывало и тем более унижительным ему казалось. Соответственно, возрастал риск, что ребенок научится лгать и изворачиваться, чтобы ускользнуть от всевидящих стражей.

Это был верный путь превратить физически слабого ребенка в абсолютно бесхарактерное создание, не умеющее контролировать свои поступки и не имеющее нравственного стержня, без которого так трудно пройти жизненный путь.

Я говорил об этом с доктором Деревенько, но он до того боялся внезапного обострения болезни и так остро ощущал груз ответственности, лежавший на нем как на враче, что я никоим образом не мог убедить его принять мою точку зрения.

Окончательное решение вопроса оставалось за родителями: только они могли принять решение, которое могло иметь для ребенка самые серьезные последствия. К моему изумлению, они целиком и полностью согласились со мной и сказали, что готовы взять на себя всю ответственность за риски этого эксперимента. Без сомнения, они прекрасно понимали, какой вред наносит ребенку существующая система, и, любя его до самозабвения, пошли на риск, чтобы не позволить ему превратиться в бесхарактерного человека, не имеющего душевной твердости.

Сам Алексей Николаевич был от этого решения в полном восторге. Общаясь со своими ровесниками, он и без того уже страдал от неусыпной опеки и контроля. Он клятвенно пообещал мне оправдать оказанное ему доверие.

Тем не менее, хотя я был уверен в правильности своей точки зрения, в тот момент, когда его родители дали свое согласие на эксперимент, меня обуял страх. Казалось, я предчувствовал, что со всеми нами произойдет...

Сначала все шло хорошо, и я уже почувствовал себя немного свободнее, когда вдруг случилось то, чего я боялся больше всего. Цесаревич находился в комнате для занятий. Он стоял на стуле и вдруг пошатнулся и упал, ударившись правым коленом об угол какого-то предмета мебели. На следующий день он не смог ходить. Еще через день подкожное кровотечение усилилось, и опухоль, образовавшаяся под коленом, распространилась на всю ногу. Под давлением тока крови кожа огрубела, что вызвало дергающие боли, усиливавшиеся с каждым часом.

Я был в ужасе, но ни царь, ни царица ни в чем не упрекали меня. Напротив, они, казалось, хотели сделать все возможное, чтобы помешать мне отказаться от задачи, которую болезнь моего ученика сделала столь опасной. Как будто желая своим примером заставить меня взглянуть в лицо неизбежному и сделать меня своим союзником в борьбе, которую они так долго вели, они делились своими тревогами, и делали это с трогательной сердце добротой.

С самого начала приступа болезни императрица находилась у постели сына. Она ухаживала за ним, окружая его нежной заботой и любовью и пытаясь по возможности облегчить его страдания. Император навещал сына каждую свободную минуту. Он пытался успокоить и развеселить мальчика, но боль была сильнее, чем ласки матери или рассказы отца, и Алексей снова начинал стонать и плакать. То и дело открывалась дверь, и в комнату на цыпочках входила одна из великих княжон и целовала младшего брата, наполняя комнату атмосферой свежести и здоровья. На мгновение мальчик раскрывал огромные серые глаза, обведенные темными кругами, и почти сразу же снова закрывал их.

Однажды я наблюдал мать у изголовья больного. Он провел очень беспокойную ночь. Доктор Деревенько нервничал, так как кровотечение все не останавливалось, а температура поднималась. Воспаление распространилось дальше, а боли усилились. Цесаревич жалобно стонал. Его голова покоилась на руке матери, а мертвенно-бледное лицо изменилось до неузнаваемости. Временами он переставал стонать и повторял одно слово: «Мама». В этом слове было выражено все его страдание и отчаяние. Мать целовала его лоб, волосы и глаза, как будто прикосновения ее губ могли облегчить страдания и удержать жизнь, которая поки-

дала его. Подумайте только о мучениях этой матери, бессильной свидетельницы страданий своего сына, – матери, которая знала, что именно она является их причиной, что именно она «наградила» его болезнью, с которой не может справиться современная наука. Теперь только я понял темную трагедию ее жизни. Как легко теперь восстановить этапы этого долгого испытания.

Глава 4

ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

Императрица Александра Федоровна, в девичестве Алиса Гессенская, четвертый ребенок в семье великого герцога Людвиг Гессенского и Алисы Английской, младшей дочери королевы Виктории, родилась в Дармштадте 6 июня 1872 года. Она очень рано потеряла мать и в основном воспитывалась при английском дворе. Очень скоро она стала любимейшей из внучек королевы Виктории, которая перенесла на белокурую Аликс всю любовь, которую испытывала к ее матери.⁷

В возрасте 17 лет юная принцесса приехала в Россию, в гости к своей старшей сестре Елизавете, которая была замужем за великим князем Сергеем Александровичем, братом царя Александра III. Принцесса принимала активное участие в жизни двора, появлялась на приемах и балах, где сразу обратила на себя внимание.

Все считали ее возможной партией для наследника престола, но вопреки всеобщему ожиданию Алиса Гессенская вернулась в Дармштадт, а о свадьбе не было сказано ни слова. Может, ей самой не нравилась эта идея? Остается фактом, что пять лет спустя, когда пришло официальное предложение, она колебалась, прежде чем дала положительный ответ.

Как бы то ни было, но летом 1894 года в Дармштадте состоялась помолвка, после чего был нанесен визит ко двору английской королевы. Что касается наследника русского престола, то он сразу после этого вернулся на родину. Через несколько месяцев Алисе пришлось срочно отправиться в Ливадию, где умирал Александр III. Она присутствовала при его кончине, а затем сопровождала гроб с телом покойного в Петербург.

С Николаевского вокзала гроб был перевезен в Петропавловский собор. Это был хмурый ноябрьский день. Вдоль улиц, по которым по грязи и снегу двигался траурный кортеж, собралась огромная толпа. Стоящие в толпе женщины крестились, и были слышны испуганные голоса: «Она пришла к нам с гробом. Она несет нам несчастье».

Действительно, казалось, будто с самого начала следом за той, которую в детстве за легкость характера и красоту называли «солнышком», по пятам идет печаль.

26 ноября, то есть менее чем через месяц после смерти Александра III, в самый разгар траура состоялось бракосочетание наследника престола и Алисы Гессенской. Через год она произвела на свет первого ребенка – девочку, которую назвали Ольгой.

Коронация молодых правителей России состоялась 14 мая 1896 года. Судьба, казалось, уже коснулась их своей печатью. Навсегда останется в памяти, что празднества по случаю коронации были омрачены ужасным инцидентом, повлекшим за собой гибель множества людей. Крестьяне, приехавшие со всех концов страны, собрались на Ходынском поле – их было несметное количество: ожидалась раздача подарков. Из-за плохой организации мероприятия началась паника, и более двух тысяч человек погибли в давке.

Когда на следующее утро царь и царица отправились на Ходынское поле, они еще ничего не знали об ужасной трагедии. Им сказали правду, только когда они позднее вернулись в город, да и то не всю правду. Неужели эти люди не понимали, что тем самым лишают императорскую чету возможности проявить скорбь и сочувствие и делают их поведение одиозным, потому что они, как казалось, остались равнодушны к страшному несчастью?

Следующие несколько лет были годами безоблачного счастья. Казалось, судьба перестала испытывать их.

⁷ Королева Виктория не любила немцев, а особенно не любила императора Вильгельма II. Эту нелюбовь она передала своей внучке, которая всегда предпочитала Англию Германии. Но она оставалась преданной друзьям и родственникам, оставшимся в Германии.

И все же перед молодой царицей стояла непростая задача. Она должна была понять, что значит быть императрицей, к тому же при дворе с жесткими нормами этикета, где царили интриги и фаворитизм. Привыкшая к простой и спокойной жизни в Дармштадте и испытывавшая при чопорном английском дворе ограничения, обычные для молодой и популярной принцессы, прибывшей с визитом, она, должно быть, чувствовала себя как лодка в бушующем море, среди новых обязанностей и непривычных условий существования. Чувство долга и страстное желание посвятить себя благополучию миллионов людей, чьей царицей она стала, подстегивали ее амбиции, но она умела обуздывать свои порывы.

Единственным ее желанием было завоевать сердца своих подданных. К сожалению, она не знала, как продемонстрировать это, а природная застенчивость, от которой она всегда страдала, не давала возможности проявить добрые намерения. Скоро она поняла, что неспособна добиться симпатии и понимания. Ее открытая и порывистая натура вошла в противоречие с холодными условностями двора. Ее начинания разбивались о стену равнодушия и инертности,⁸ а когда в обмен на откровенность она надеялась получить преданность и добрую волю, ответом ей была лишь внешняя, показная вежливость и придворное подбодрение.

Несмотря на все усилия, ей не удалось стать просто дружелюбной и научиться искусству милостивого, но поверхностного общения со своими подданными. Проблема в том, что царица всегда и во всем была искренней. Каждое слово было выражением ее истинных чувств. Однако, видя, что ее понимают и оценивают превратно, она вновь пряталась в свою раковину. Ее природная гордость была уязвлена. Она все реже появлялась на приемах и официальных церемониях, которые считала невыносимо скучными и глупыми. Она стала держаться со сдержанной отчужденностью, которую принимали за высокомерие и презрительное отношение к другим. Но те, кто общался с ней в минуты отчаяния, знали, какая чувствительная душа и жажда любви прятались за внешней холодностью. Она со всей искренностью приняла православие, ставшее для нее источником утешения в беде и тревоге, но самым главным в ее жизни была семья, без которой она не чувствовала себя счастливой.

Вслед за Ольгой Николаевной родились еще три чудесные здоровенькие дочери, ставшие отрадой родителей. Однако это счастье было неполным, потому что в их сердцах жило еще одно тайное желание – иметь сына и наследника. Рождение Анастасии Николаевны, младшей из великих княжон, оказалось огромным разочарованием – а годы все шли. Наконец 12 августа 1904 года, в самый разгар Русско-японской войны, царица родила долгожданного сына. Радость родителей не знала границ. Казалось, все печали остались позади и перед ними открылась дорога к счастью.

Увы! Передышка была недолгой, за ней последовали новые несчастья. Сначала бойня в январе у Зимнего дворца, память о которой преследовала их до самого конца; затем заключение позорного мира с Японией. В эти тяжелые дни единственным утешением был их горячо любимый сын, но – опять увы! – скоро выяснилось, что он болен гемофилией. С этого момента жизнь матери превратилась в мучительную агонию. Она знала, что это за страшная болезнь: от нее умерли ее дядя, один из братьев и двое племянников. С детства она слышала об этой ужасной болезни, против которой люди бессильны. Теперь ею был болен ее единственный обожаемый сын. Смерть следовала за ним по пятам, готовая поймать в свои когтистые лапы. Но она должна бороться! Она должна любой ценой спасти его! Невозможно, чтобы наука оказалась бессильной! Должен быть способ спасти его, и он должен быть найден! Доктора, хирурги – за советом обращались ко всем, но каждый раз лечение оказывалось бесполезным.

⁸ Она искренне стремилась облегчить долю бедных женщин, открывая родильные дома и больницы. Она также надеялась открыть ряд профессиональных училищ.

Когда несчастная мать поняла, что люди бессильны ей помочь, она обратилась к Богу. Только Он мог сотворить чудо! Поэтому она должна заслужить Его вмешательство. Она и по натуре-то была набожна, а теперь окунувшись в православие со всем пылом и решимостью.

Жизнь при дворе сделалась строгой, если не сказать – суровой. Праздники устраивались редко, число публичных мероприятий, на которых должна была появляться царская чета, свели к минимуму. Семья постепенно стала жить в изоляции от двора, в своей скорлупе.

Тем временем после каждого приступа мальчик вновь возвращался к жизни, забывал о своих страданиях и опять становился живым и веселым ребенком. В эти периоды было невозможно поверить, что он смертельно болен. Каждый раз, когда царица видела его румянец, или слышала веселый смех, или наблюдала за его шалостями, ее сердце преисполнялось надеждой, и она говорила: «Бог услышал меня. Он, наконец, сжалился надо мной». Затем болезнь снова проявляла себя, вновь ввергала ребенка в пучину боли и страданий и подводила к границе жизни и смерти.

Проходили месяцы, долгожданное чудо не совершалось, а безжалостные приступы болезни следовали один за другим. Молитвы не приносили спасения. Последняя надежда рушилась. Бесконечное отчаяние наполняло сердце царицы. Казалось, весь мир ополчился на нее.⁹

Именно тогда возле нее появился простой сибирский крестьянин Распутин и сказал: «Верь в силу моих молитв, верь в мою помощь, и сын твой будет жить!»

Мать уцепилась за надежду, которую он дал ей, как тонущий хватается за протянутую руку, она поверила в него всем сердцем. Кстати, она долгое время была убеждена, что спаситель России и народа из народа же и придет. Она решила, что этот мужик послан Богом, чтобы спасти того, кто был надеждой всей нации. Сила ее веры довершила остальное, и путем простейшего самовнушения, которому способствовали некоторые совпадения, она убедила себя, что жизнь ее сына находится в руках этого человека.

Распутин отлично понял душевное состояние отчаявшейся матери, надломленной неравной борьбой и, казалось, исчерпавшей лимит человеческого страдания. Он знал, как наилучшим способом воспользоваться этим, и с дьявольской изобретательностью сумел соединить собственную жизнь (по крайней мере, в представлении императрицы) с жизнью этого ребенка.

Эту власть Распутина над царицей невозможно понять, если не знать, какую роль в религиозной жизни православного мира играют подобные люди – не священники и не монахи (хотя иногда Распутина ошибочно называют монахом), но так называемые странники или старцы.

Странник – это богомолец, который странствует от монастыря к монастырю в поисках истины и живет на подаяния верующих. Так он может пройти всю Российскую империю, ведомый своими идеями или привлекаемый святостью того или иного места или человека.

Старец – это аскет, который обычно живет в монастыре или иногда в изоляции от мира. Он является неким путеводителем душ, к которому приходят в моменты беды и отчаяния. Очень часто старец – это бывший странник, который отказался от прошлой жизни и принял обет провести остаток жизни в молитве и размышлении.

Достоевский дает такое определение старца в «Братьях Карамазовых»: «Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искусства победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь,

⁹ Постоянный страх за жизнь мужа и сына повышал ее нервозность.

через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли».

На земле старец – страж правды и идеала. Он также хранитель священных традиций, которые должны передаваться от старца к старцу, пока не установится царство справедливости и света.

Некоторые из этих старцев поднялись до совершенно удивительных высот и стали святыми православной церкви.

Влияние этих людей, которые существуют как неофициальное духовенство, все еще весьма значительно в России. В провинции оно подчас даже сильнее, чем влияние монахов и священников.

Обращение царицы в православие было актом подлинной веры. Православие полностью отвечало ее духовным потребностям, а ее воображение, должно быть, поразили архаичные и в чем-то наивные обряды. Она приняла православие со всей страстью неопита. В ее глазах Распутин обладал святостью и достоинством настоящего старца.

Такова была природа чувств, которые царица испытывала к Распутину, – чувств, столь в извращенном виде преподносимых общественности.

Судьбе было угодно, чтобы тот, кто нес на себе печать святости, оказался подлым и низким созданием и чтобы, как мы увидим ниже, пагубное влияние этого человека стало одной из главных причин событий, приведших к смерти людей, которые считали его своим спасителем.

Глава 5 РАСПУТИН

В предыдущей главе я счел долгом остановиться на событиях, которые имели место до того, как я стал наставником цесаревича, потому что только они могли объяснить причины, по которым Распутин вообще мог появиться на сцене и иметь такое влияние на царицу.

Возможно, мне стоило бы ограничиться в своей книге лишь теми событиями, в которых я принимал непосредственное участие. Но в этом случае многое в моем рассказе останется неясным. В настоящей главе я вновь вынужден отойти от правила, которое я сам определил для себя. Если я хочу, чтобы читатель меня понял, я должен немного рассказать о жизни Распутина и попытаться отделить факты, ставшие частью истории, от многочисленных легенд, возникших вокруг этого человека.

Примерно в 150 верстах от Тобольска находится маленькая деревушка Покровское. Она затеряна среди болот на берегах Тобола. Там и родился Григорий Распутин. Его отца звали Ефим. Как у многих крестьян того времени, фамилии у него не было. Жители деревни, в которой он был пришлым, дали ему прозвище Новый.

Его сын Григорий в юности ничем не отличался от сверстников, молодых парней, чьим уделом была бедность. Подобно многим из них, он добывал себе на жизнь воровством и грабежами... Однако скоро он выделился из толпы ровесников – его отличала бесшабашность, безрассудство и неуправляемость. Скоро к нему намертво прилепилась фамилия Распутин – искаженная форма слова «распутник».

Очень часто крестьяне сибирских деревень зарабатывали на жизнь тем, что сдавали лошадей внаем путешественникам и служили им проводниками и кучерами. Однажды Распутину довелось сопровождать священника в монастырь в Верхотурье. Священник разговаривал с ним, был поражен его природными способностями, своими вопросами заставил признаться в своей бесшабашной и бунтовской жизни и взял с него клятву отдать свою жизненную энергию служению Богу. Все это произвело на Григория такое глубокое впечатление, что он, казалось, возжаждал бросить воровство и разбой. Он довольно долгое время прожил в монастыре в Верхотурье и начал посещать святые места по соседству.

Когда он вернулся в свою деревню, то выглядел совсем другим человеком. Односельчане с трудом узнавали в этом суровом и сдержанном мужике бывшего участника всех самых скандальных происшествий. Он ходил из деревни в деревню, неся туда слова добра и веры и зачитывая всем желающим отрывки из священных книг, которые знал наизусть.

Люди, доверчивостью которых он так искусно пользовался, скоро объявили его пророком, человеком, обладающим сверхъестественными способностями, в частности умением творить чудеса. Чтобы понять столь быструю трансформацию, следует вспомнить, что Распутин обладал странной силой не столько убеждения, сколько гипноза и то, что в России люди склонны поддаваться влиянию всякого рода чудотворцев и колдунов.

Однако, судя по всему, добродетель новоявленного святого не служила защитой от плотских соблазнов, и скоро он вновь ударился в разгул. Правда, он жестоко каялся в своих прегрешениях, но это не мешало ему грешить. Уже тогда он обнаруживал смесь мистицизма и эротомании, которая делала его очень опасным человеком.

Несмотря ни на что, слава о нем широко распространилась. За ним посылали из самых разных мест, причем не только из Сибири, но и всей России.

Наконец странствия привели его в Санкт-Петербург. Там в 1905 году он познакомился с архимандритом Феофаном, который решил, что разглядел в нем признаки истинной набож-

ности и глубокого смирения. Он считал Распутина «отмеченным Богом» и ввел в высшие круги столицы, причем слава Распутина бежала впереди него.

Ему не составило труда завоевать доверие посвященных, потому что утонченность делала их суеверными и восприимчивыми к магнетизму его личности. В самой природной грубости Распутина они находили лишь забавную специфику «человека из народа», простого мужика. Они восхищались наивностью этой простой души...

Очень скоро Распутин приобрел неограниченную власть над своей новой паствой. Он стал завсегдатаем светских салонов некоторых представителей высшей аристократии Санкт-Петербурга. Его принимали даже члены царской семьи и говорили о нем немало хвалебных слов царице. Больше ничего и не требовалось. Распутин был представлен ко двору ближайшей подругой ее величества по рекомендации архимандрита Феофана. Этот факт следует особо отметить и не забывать о нем. Эта рекомендация в течение многих лет будет его «охранной грамотой».

Мы видим, как Распутин играл на отчаянии царицы и сумел связать неразрывными узами свою жизнь с жизнью цесаревича, а также обрести власть над его матерью. Казалось, что каждое его появление приносит мальчику облегчение, что усиливало его вес и укрепляло веру в его силы.

Однако через некоторое время неожиданно свалившаяся слава вскружила Распутину голову. Он решил, что его положение достаточно прочно, забыл об осторожности и вернулся к скандальному образу жизни. Однако делал он это так искусно, что долгое время о его частной жизни ничего не было известно. Лишь постепенно просочились слухи о его оргиях.

Сначала против «старца» возвышали свой голос немногие, но скоро их стало больше, а голоса их зазвучали громче и увереннее. Первой разоблачить самозванца попыталась госпожа Тютчева, наставница великих княжон. Ее попытки разбились о слепую веру царицы. Среди обвинений, которые она выдвигала против Распутина, были и такие, которые она в своем негодовании не потрудилась проверить, и их недостоверность была для царицы очевидной. Понимая свое бессилие и предполагая, что скоро лишится должности, она тем не менее попросила, чтобы Распутина не пускали на этаж, где жили дети.

Вмешался царь, и ее величество уступила. Не потому, что ее вера ослабела, но только ради спокойствия и в интересах человека, который, по ее мнению, был ослеплен собственной страстью и верой.

Хотя в то время я был всего лишь одним из преподавателей великих княжон – это было зимой 1910 года, – Тютчева сама рассказала мне об этом споре и его последствиях.¹⁰

Должен признаться, что в то время я был далек от веры во все рассказы о Распутине.

В марте 1911 года враждебность к Распутину приобрела невероятные размеры, и «старец» считал за благо исчезнуть на какое-то время и дать буре успокоиться. Он отправился в паломничество в Иерусалим.

По возвращении в Санкт-Петербург осенью того же года он понял, что о нем вовсе не забыли, и ему пришлось отражать атаки со стороны бывшего покровителя епископа Гермогена, который грозил ему страшными карами и вырвал обещание держаться подальше от двора, поскольку само его присутствие компрометировало императора и императрицу.

Не успел он уйти от епископа, который в своем гневе поднял на него руку, как сразу же бросился к своей влиятельной покровительнице госпоже Вырубовой, близкой подруге царицы. В результате епископ был сослан в монастырь.

Столь же тщетными оказались усилия архимандрита Феофана, который не мог простить себе, что в какой-то степени способствовал возвышению Распутина, ругаясь перед

¹⁰ Отношения между царицей и Тютчевой уже никогда не стали такими, как раньше, и весной 1912 года она ушла со своей должности.

царем и царицей за его нравственность. Он, как мог, пытался теперь показать его истинное лицо, но эти усилия привели лишь к удалению самого Феофана от двора.

Распутин сумел выставить двух епископов низкими интриганами, которые якобы хотели использовать его как инструмент для достижения своих целей, а когда из этого ничего не вышло, попытались уничтожить его.

«Простой сибирский крестьянин» стал серьезным противником, в котором полное отсутствие моральных принципов «удачно» сочеталось с необыкновенными способностями к интригам. Обладая собственными осведомителями, имея своих людей при дворе и в правительстве, при появлении нового врага он сразу же начинал хитроумно заманивать того в ловушку, вынуждая нанести первый удар.

Под видом предсказаний он сообщал, что скоро станет объектом нового нападения. При этом он был достаточно умен, чтобы прямо не называть своих врагов. Поэтому, когда наступал момент атаки, рука, наносящая удар, была уже не столь сильной и точной. «Старец» даже часто выступал в защиту тех, кто нападал на него, с показным смирением заявляя, что эти испытания необходимы для развития его души.

Был и еще один фактор, способствовавший тому, что царь и царица слепо верили ему до самого конца: они привыкли, что все, кого они удостаивали особым вниманием, оказывались в центре интриг и скандалов. Они знали, что одно их покровительство уже делало людей объектами зависти и злобы. В результате – они были убеждены, что их благосклонность к этому странному мужику непременно вызовет шквал ненависти и ревности и сделает его жертвой ужасных интриг.

Однако скандал разразился там, где его не ждали: в среде священнослужителей. О нем говорили в политических и дипломатических кругах, о нем даже упоминали в своих выступлениях депутаты Думы.

Весной 1912 года граф Коковцов, тогда премьер-министр, решил обсудить этот вопрос с царем. Дело было крайне деликатное, поскольку влияние Распутина в особенной степени распространялось на церковь и царскую семью. Это были именно те сферы, в которых царь не допускал вмешательства министров.

Граф не сумел ни в чем убедить царя, но тот все же понял, что необходимо сделать некоторые уступки общественному мнению. Вскоре после отъезда их величеств в Крым Распутин покинул Санкт-Петербург и растворился в просторах Сибири.

Однако его влияние было такого рода, что даже расстояние не было ему помехой. Напротив, его вес в глазах царя и царицы лишь увеличился.

Как и раньше, между ним и царской семьей шла оживленная переписка (через госпожу Вырубову).

Отсутствующий Распутин был даже влиятельнее, чем Распутин во плоти. Его психологическое влияние было основано на глубокой вере, поскольку нет предела самообману тех, кто готов верить любой ценой. Вся история человечества служит тому доказательством.

Однако сколько страданий и несчастий принесла эта трагическая слепота!

Глава 6

ЖИЗНЬ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

МОИ УЧЕНИКИ (зима 1913/14 г.)

Улучшение состояния здоровья Алексея Николаевича после того ужасного приступа, о котором я уже говорил, также приписывали Распутину.

Стоит вспомнить, что обострение болезни совпало с резкой сменой образа жизни цесаревича, за которую я так ратовал. Поэтому я в какой-то степени чувствовал себя виноватым.

Я оказался в очень трудном положении. Когда я принимал то очень серьезное решение, конечно же осознавал, какие опасности оно таит в себе. Но тогда я считал себя достаточно сильным, чтобы противостоять им. Однако испытание действительностью оказалось столь ужасным, что я просто обязан был задуматься, продолжать ли мне начатое. И все же я был уверен, что другого варианта у меня нет и не было.

Через два месяца – цесаревич всегда выздоравливал медленно – царь и царица приняли решение продолжить тот эксперимент, который мы начали, несмотря на все возможные риски.

Доктор Боткин¹¹ и доктор Деревенко придерживались противоположного мнения, но подчинились решению родителей, хотя оно существенно усложняло их и без того безмерно трудную задачу.

Они всегда были настраже на случай нового кризиса, и, когда несчастье произошло, им было особенно трудно бороться за жизнь мальчика, поскольку они понимали, насколько неэффективными средствами для лечения болезни располагали. Когда после ночных бдений они наконец-то с радостью увидели, что ребенок вне опасности, то улучшение его состояния приписывалось не их заботе и усилиям, а чудесному вмешательству Распутина! Но в них не было ложной гордости или зависти, потому что ими двигало чувство глубочайшей жалости к несчастным родителям и страдающему ребенку, которому в его десять лет пришлось вынести больше, чем любому взрослому.

Из-за болезни Алексея Николаевича мы пробыли в Крыму дольше обычного и вернулись в Царское Село лишь в декабре.

Жизнь там была более «семейной», чем в других резиденциях царской семьи. За исключением дежурной фрейлины и командира «сборного» гвардейского полка,¹² свита не жила в самом дворце. И обычно семейные завтраки, обеды и ужины проходили спокойно и тихо, если, конечно, в гости не приезжал кто-то из членов семьи. Занятия¹³ начинались в 9.00, с 11.00 до 12.00 мы делали перерыв: ездили в карете, катались в санях или на машине, после чего возобновляли занятия и трудились до часу дня. Во второй половине дня мы, как правило, часа два проводили на свежем воздухе. Великие княжны и царь (когда был свободен) присоединялись к нам, и Алексей Николаевич играл с ними, катаясь на ледяной горке, которую мы соорудили у края озера. Он также любил играть с осликом Ванькой, которого запрягал в сани, и с собакой Джоем, забавным маленьким спаниелем с короткими ножками и длинной шелковистой шерстью, ниспадавшей до самой земли.

Ванька был существом с необыкновенно развитым интеллектом и даже со своеобразным чувством юмора. Когда еще только обсуждалась идея о том, чтобы подарить Алексею

¹¹ Боткин Е.С. – сын знаменитого профессора Сергея Боткина, придворный врач.

¹² Охрана царя. В этот полк входили представители разных гвардейских полков.

¹³ В это время мой ученик изучал русский, французский, арифметику, историю, географию и Закон Божий. Английским он начал заниматься позже, а немецкий не изучал вообще.

Николаевичу ослика (или пони), связались со всеми торговцами лошадьми в Санкт-Петербурге, но – безрезультатно. Наконец цирк Чинизелли нехотя согласился расстаться с этим умнейшим животным, который стал слишком стар, чтобы выступать. Так Ванька появился при дворе и, кажется, сразу привязался к детям. Он был очень забавным и знал бессчетное число цирковых трюков. Он самым тщательнейшим образом выворачивал ваши карманы в надежде найти что-нибудь вкусненькое. Особенно ему нравились тянучки, которые он жевал, закрывая от удовольствия один глаз, как старый янки.

Эти животные играли очень большую роль в жизни Алексея Николаевича, поскольку других развлечений в его жизни было мало. Кроме того, у него практически не было друзей. Сыновья матроса Деревенко, его постоянные товарищи по играм, были намного младше его и не имели ни соответствующего образования, ни воспитания.

Иногда его двоюродные братья и сестры проводили с ним воскресенья и дни рождения, но это случалось редко. Я часто беседовал с царицей, пытаясь убедить ее как-то изменить ситуацию. Она попыталась под моим давлением делать это, но опять-таки безрезультатно.

Конечно, болезнь, от которой страдал мальчик, затрудняла выбор его потенциальных товарищей. К счастью, как я уже сказал, сестры любили играть с ним. Они вносили в его жизнь элемент молодого веселья, которого ему так доставало.

Во время послеобеденных прогулок царь, который вообще любил ходить пешком, обычно обходил парк вместе с одной из дочерей, но иногда присоединялся и к нам. Именно с его помощью мы достроили огромную снежную крепость, над которой работали несколько недель.

Алексей Николаевич был центром этой сплоченной семьи, средоточием любви и надежд. Сестры боготворили его, а для родителей он был источником гордости и радости. Когда он бывал здоров, во дворце все преображалось. Все и вся, казалось, купались в солнечном свете. Обладая от природы счастливым характером, он мог бы вполне успешно и равномерно развиваться, если бы не его болезнь. Каждый приступ означал для него недели, а то и месяцы постоянного наблюдения врачей. А если кровотечение было сильным, то за этим следовал длительный период анемии, когда он просто не мог заниматься. Поэтому в нашем (вернее, моем) распоряжении были только промежутки между приступами. И, несмотря на его живой ум, процесс обучения шел довольно тяжело.

Великие княжны были очаровательны – воплощение свежести и здоровья. Вряд ли где-то еще можно было найти четырех сестер со столь различными характерами и темпераментами. Несмотря на это, они были единым целым, и одновременно каждая из них оставалась яркой индивидуальностью, со своими особенностями. Из первых букв своих имен они составляли общее имя ОТМА, под которым часто дарили подарки и которым подписывали письма, написанные одной из них по поручению и от имени всех.

Думаю, читатели простят мне, если я вспомню здесь несколько эпизодов, связанных с этими очаровательными девушками. Я помню их во всей красоте и искренней пылкости юности. Я бы даже сказал, что они еще не переступили грань, отделяющую юность от детства. Они пали жертвами ужасной судьбы как раз тогда, когда их ровесницы вступали в девичество.

Старшая, Ольга Николаевна, обладала удивительно живым умом. Она была рассудительной и в то же время инициативной, отличалась независимостью суждений. Сначала наши отношения строились трудно, но впоследствии они сделались сердечными и доверительными. Она все схватывала буквально на лету и всегда умудрялась взглянуть на вещи под совершенно неожиданным углом зрения. Я хорошо помню, как на одном из наших занятий по грамматике, когда я объяснял свойства глагола и правила употребления вспомогательных глаголов, она внезапно прервала меня:

– Я поняла, месье. Вспомогательные глаголы – это слуги смысловых. И только бедный «avoigr» должен все делать сам.

Помимо учебников она много читала. Когда она стала старше, то каждый раз, давая ей книгу, я помечал на полях те отрывки и главы, которые ей следовало пропускать. Обычно я давал ей краткое изложение этих мест. Свои действия я объяснял ей трудностью текста или тем, что он совершенно неинтересен.

Однажды моя оплошность стоила мне нескольких неприятных мгновений, но благодаря рассудительности царя этот неприятный инцидент завершился лучше, чем я ожидал.

Ольга Николаевна читала «Отверженных»¹⁴ и дошла до описания битвы при Ватерлоо. В начале урока она протянула мне список слов, которые не поняла, как это было у нас заведено. К своему крайнему удивлению, я увидел там слово, которое всегда ассоциируется с именем офицера, который командовал гвардией. Я был уверен, что не забыл о своих обычных предосторожностях. Я попросил у нее книгу, чтобы удостовериться в этом, и понял свою ошибку. Чтобы избежать щекотливого объяснения, я вычеркнул злополучное слово и вернул список великой княжне.

– Но вы же вычеркнули как раз то слово, о котором я вчера спросила у папа! – воскликнула она.

Меня словно обухом по голове ударили.

– Что?! Вы спросили...

– Да, и он поинтересовался, где я услышала это слово, и затем сказал, что это очень сильное слово, которое не стоит повторять, хотя в устах того генерала оно было прекраснейшим словом французского языка.

Несколько часов спустя я увидел царя, когда тот гулял в парке. Он отвел меня в сторону и очень серьезно сказал:

– Вы учите моих дочерей очень любопытным словам, месье...

Я начал было объяснять ситуацию, но запутался в словах. Царь рассмеялся и прервал меня:

– Не беспокойтесь, месье. Я в общем-то понял, что произошло, поэтому и сказал дочери, что это одна из самых сильных похвал во французской армии.

Татьяна Николаевна была довольно сдержанной и уравновешенной. Она обладала сильной волей, но была менее откровенна и импульсивна, чем ее старшая сестра. Она не блистала талантами, но это компенсировалось усидчивостью и терпением. Она была очень хорошенькой, но в ней не было того очарования, которым отличалась Ольга Николаевна.

Татьяна Николаевна была любимицей матери. Не то чтобы ее сестры меньше любили мать, но Татьяна знала, как окружить ее ненавязчивым вниманием, и никогда не давала воли свои капризам. Благодаря своей внешности и достоинству, с которым она держалась, она затмевала сестру, а последняя и сама, не думая о себе, отодвигалась на второй план. Несмотря на это, сестры были искренне привязаны друг к другу. Между ними было всего 18 месяцев разницы, что способствовало их близости. Их звали «большой парой», а Марию Николаевну и Анастасию Николаевну – «маленькой парой».

Мария Николаевна была чудесной девочкой, довольно высокой для своего возраста, настоящим воплощением здоровья. У нее были большие карие глаза. Ее вкусы были весьма простыми. По натуре она была очень доброй девочкой, чем ее сестры частенько пользовались, называя ее «маленьким толстым щенком». Она действительно своим великодушием и преданностью напоминала собаку.

¹⁴ «Отверженные» – роман В. Гюго. В описываемом эпизоде в ответ на предложение сдаться командир Старой гвардии Наполеона выругался.

Анастасия же Николаевна была довольно остра на язык. У нее было хорошо развитое чувство юмора, и стрелы, выпущенные ею, частенько попадали в самые уязвимые места. Можно сказать, что она была «несносным ребенком», но с годами этот недостаток стал менее заметен. И еще она была чрезвычайно ленива, что, правда, в какой-то степени компенсировалось ее одаренностью. Она отлично говорила по-французски и была неплохой актрисой, как я убедился, когда мы вместе с девочками разыгрывали сценки из комедии. Удивительно живой ребенок, она столь заразительно радовалась, что некоторые придворные стали называть ее «солнышком», как когда-то при английском дворе называли ее мать.

А в общем-то все можно выразить гораздо проще: очарование этих детей было в их простоте, искренности, свежести и врожденной доброте.

В их глазах мать, которую они обожали, была непогрешима. Лишь Ольга Николаевна иногда проявляла независимость суждений, вообще же дочери окружали мать вниманием и заботой. По собственной инициативе они организовали свою жизнь так, чтобы кто-нибудь из них был постоянно «на дежурстве» при матери. Когда царица болела, та из дочерей, которая была «на дежурстве», даже не выходила на свежий воздух.

Их отношения с царем были превосходны. Он был для них и царем, и отцом, и другом одновременно.

Они чувствовали к нему абсолютное доверие и искреннюю любовь и привязанность. Разве он не был тем, перед которым склонялись в поклоне министры, высшие иерархи церкви, великие князья и даже их мать? Разве не его отцовское сердце было открыто для их печалей и проблем? Разве не он вдали от любопытных глаз с молодой искренностью делил с ними их заботы?

За исключением Ольги Николаевны, великие княжны были весьма посредственными ученицами. Во многом это объяснялось тем, что царица упорно отказывалась брать дочерям гувернантку-французенку. Безусловно, она не хотела, чтобы кто-то вставал между ней и дочерьми. В результате они читали по-французски, да и сам язык им нравился, но они так и не смогли научиться бегло говорить на нем.¹⁵

Из-за того, что здоровье царицы было не слишком хорошо, на образование дочерей обращали меньше внимания, чем хотелось бы. Болезнь Алексея Николаевича подорвала сопротивляемость ее собственного организма. В периоды обострения она не щадила себя и проявляла незаурядную энергию и мужество. Когда же опасность отступала, природа брала свое, и она, бывало, неделями лежала на софе, абсолютно измученная и лишенная сил.

Ольга Николаевна не оправдала надежд, которые я возлагал на нее. Ее ум не сумел найти неких элементов, необходимых для ее развития. Вместо того чтобы идти вперед, она начала отставать. У ее сестер не было особого вкуса к учебе, их способности были скорее практическими.

В силу обстоятельств все четверо скоро научились быть самодостаточными и искать утешения в собственной душе. Очень немногие так легко приспособились бы к той жизни, которая выпала им, – к жизни, лишенной внешних радостей и замкнутой в узком кругу семьи.

¹⁵ Ее величество говорила с ними по-английски, а царь – только по-русски. С придворными царица говорила по-французски или по-английски. Она никогда не разговаривала по-русски (хотя говорила на нем вполне удовлетворительно), кроме случаев, когда ее собеседник не знал никакого другого языка. За все время моей жизни при дворе я ни разу не слышал, чтобы кто-то из них говорил по-немецки, кроме как в случаях крайней необходимости – например, на приемах.

Глава 7

ВЛИЯНИЕ РАСПУТИНА. ВЫРУБОВА. МОИ ЗАБОТЫ НАСТАВНИКА (зима 1913 г.)

Болезнь Алексея Николаевича не могла не сказаться на жизни императорской семьи – все ее члены находились в состоянии постоянного напряжения. Одновременно усилилось влияние Распутина. Тем не менее жизнь в Царском Селе текла столь же спокойно и гладко, как раньше, – по крайней мере, внешне.

В то время я еще очень мало знал о «старце» и где только возможно пытался найти хоть какую-то информацию, на основании которой мог бы сформулировать свое мнение об этом человеке. Его личность очень интересовала меня. Но это было очень нелегко. Дети никогда не упоминали имени Распутина и в моем присутствии избегали даже малейшего намека на его существование. Я понял, что таковы были указания царицы. Без сомнения, она опасалась, что, будучи иностранцем и не православным, я буду не в состоянии понять чувства, которые испытывала она и вся ее семья по отношению к «старцу». Именно эти чувства заставляли их почитать его как святого. Наложив на детей своеобразный обет молчания, она тем самым позволяла мне игнорировать Распутина, или, другими словами, выразила желание, чтобы я вел себя так, как если бы я ничего не знал о Распутине. Тем самым она лишила меня возможности пополнить ряды противников человека, даже имени которого я не знал.

Основываясь на сведениях, почерпнутых из других источников, я убедился, что в жизни цесаревича Распутин играл незначительную роль. Несколько раз доктор Деревенко пересказывал мне забавные замечания, которые цесаревич делал о Распутине в его присутствии. Распутин будоражил его воображение и разжигал любопытство, но влияния на мальчика он не имел.

После демарша Тютчевой Распутин больше не показывался на этаже великих княжон, а цесаревича он навещал очень редко.

Без сомнения, власти боялись, что я когда-нибудь могу столкнуться с Распутиным, поскольку комнаты, которые я занимал, примыкали к апартаментам моих учеников. Поскольку я просил личного слугу цесаревича информировать меня о малейших деталях жизни мальчика, то Распутин не мог видеть его без моего ведома.¹⁶

Дети видели Распутина, когда он бывал у их родителей, но даже в то время его визиты были нечастыми. Бывало, он не появлялся при дворе целыми неделями и даже месяцами. Его все чаще видели у госпожи Вырубовой, в ее небольшом доме неподалеку от Зимнего дворца. Царь и наследник почти никогда не бывали в этом доме, поэтому их встречи были редки.

Как я уже говорил, Вырубова была посредницей между царицей и Распутиным. Именно она переправляла «старцу» адресованные ему письма и привозила его ответы (обычно устные) во дворец.

Отношения Вырубовой с ее величеством были очень близкими. Вырубова бывала у своей царственной подруги почти каждый день. Эта дружба длилась много лет. Вырубова очень рано вышла замуж. Ее муж был негодяем и отъявленным пьяницей, и скоро молодая жена всем сердцем возненавидела его. Они расстались, и Вырубова нашла облегчение и утешение в религии. Несчастья роднили ее с царицей, которая сама так много страдала в жизни и стремилась утешить подругу. Молодая женщина, пережившая так много, вызывала в ней

¹⁶ Именно так я узнал, что с 1 января 1914 года до дня своей гибели в декабре 1916-го Распутин видел цесаревича только три раза.

глубокую жалость. Скоро Вырубова стала доверенным лицом царицы, а доброта, которую царица проявляла к ней, сделала молодую женщину ее верной рабой.

Вырубова была очень сентиментальна и склонна к мистицизму, а ее безграничная преданность царице таила в себе опасность, потому что была оторвана от всякого чувства реальности и более походила на слепое обожание.

Царица не могла сопротивляться такой яростной и искренней привязанности. Несмотря на свое положение, она хотела иметь друзей – и чтобы это были только ее друзья. Ее устраивала только та дружба, где она была доминирующей стороной. Ответом на ее доверие могло быть только полное самоотречение. Она не понимала, что неразумно поощрять демонстрацию такой фанатичной преданности.

У Вырубовой был ум ребенка, и ее печальный жизненный опыт обострил чувства, но не прибавил ей рассудительности. Не обладая особым умом и проницательностью, она полагалась исключительно на эмоции и действовала под влиянием момента. Она судила о людях и событиях интуитивно, но зачастую это суждение было верным. Одного взгляда ей хватало, чтобы составить мнение о человеке. Она делила людей на «хороших» и «плохих», а если вернее, на «друзей» и «врагов».

Вырубова действовала не в корыстных интересах, но из искренней преданности императорской семье и желания помочь ей. Она пыталась держать царицу в курсе всего происходящего, заставить ее разделить свои собственные симпатии и антипатии и через нее влиять на ход событий при дворе. В реальности, однако, она была лишь слепым орудием в руках группы беспринципных негодяев, которые использовали ее в своих закулисных играх. Она была не способна вести хитроумные политические интриги или ставить какие-то конкретные цели. Более того, она даже не могла догадаться, что за игру вели те, кто пользовался ею в своих интересах. Будучи абсолютно безвольной, она подпала под влияние Распутина и стала при дворе его самой яростной сторонницей.¹⁷

Я не встречал «старца» ни разу с тех пор, как занял свою должность, но однажды все-таки встретил его, когда выходил из дворца. У меня была возможность хорошенько рассмотреть его, пока он снимал пальто. Он был очень высокого роста, с худым, как будто изможденным лицом и проницательными серо-голубыми глазами под кустистыми бровями. У него были длинные волосы и длинная же борода, как у простого крестьянина. Одет он был в русскую косоворотку из голубого шелка, подпоясанную кушаком, в мешковатые черные штаны и высокие сапоги.

Это была наша единственная встреча, но от нее у меня остался какой-то неприятный осадок. В те короткие мгновения, когда наши глаза встретились, у меня появилось ощущение, что я вижу зловещее и злобное существо.

Шли месяцы, и я с удовольствием наблюдал за тем, какие успехи делал мой воспитанник. Он привязался ко мне и пытался оправдать мое доверие. Мне все еще приходилось бороться с его ленью, однако ощущение того, что количество свободы, предоставляемой ему, целиком и полностью зависело от того, как он пользовался этой свободой, укрепляло его волю и стремление и далее упорно работать.

К счастью, та зима выдалась спокойной, и после приступа в Ливадии серьезных осложнений со здоровьем Алексея Николаевича не было.

Конечно, я знал, что это лишь небольшая передышка, но я видел, что Алексей Николаевич изо всех сил пытается обуздать свой импульсивный и вспыльчивый характер, который стал причиной нескольких серьезных происшествий. Я даже подумал, что его болезнь (а она

¹⁷ «Чрезвычайная следственная комиссия», возглавляемая Керенским, установила лживость донесений о ее отношениях с Распутиным. В этой связи интересно упомянуть отчет господина Руднева, одного из членов этой комиссии: «То, что он говорит, было подтверждено при взятии Царского Села отрядом полковника Коровниченко».

была действительно страшной!) может стать моим союзником в формировании характера мальчика и поможет ему сделаться хозяином своей жизни и отшлифовать его характер.

Это было для меня большим утешением, но я не строил иллюзий относительно того, насколько трудна задача, стоявшая передо мной. До этого я даже не подозревал, насколько окружение цесаревича сопротивлялось моим усилиям и даже саботировало их. Мне приходилось бороться с подобострастием слуг и глупым обожанием некоторых из окружавших его людей. Меня всегда очень удивляло, что Алексей Николаевич, в силу природной чистоты и неиспорченности своего характера, не поддавался соблазну чрезмерных похвал, которые слышал от своего окружения.

Я помню случай, когда во дворец приехала группа крестьян из одной из губерний Центральной России с подарками цесаревичу. Вся группа состояла из трех человек. По команде Деревенко они упали перед Алексеем Николаевичем на колени, чтобы предложить ему привезенные дары. Я заметил, что мальчик смутился и покраснел. Когда мы остались с ним наедине, я спросил, нравится ли ему, когда люди стоят перед ним на коленях.

– Конечно нет. Но Деревенко сказал, что все должно быть именно так!

– Это ерунда, – ответил я. – Даже государь не любит, когда перед ним становятся на колени. Почему вы не заставите Деревенко перестать настаивать на этом?!

– Я не знаю. Я не смею.

Я поднял этот вопрос в разговоре с Деревенко, и мальчик явно обрадовался, когда его освободили от этой церемонии.

Однако самая главная проблема заключалась в том, что он был изолирован от других людей, и в том, каким образом был организован его учебный процесс. Я понимал, что это неизбежно, но такое образование делало его неполноценным существом в том смысле, что он был лишен в юности самых обычных вещей. Образование, которое получает любой наследник престола, искусственно, тенденциозно и догматично. Часто оно отличается догматизмом и прямолинейностью катехизиса.

Тому есть несколько причин: во-первых, ограниченный выбор учителей, тот факт, что их свобода выражения регламентирована условиями официальной жизни; во-вторых, их почтение перед высоким положением ученика и, наконец, то, что за очень короткое время они должны проходить со своим учеником обширную программу. Это неизбежно означает, что они ограничиваются самыми общими формулами. Они знакомят ученика с основными положениями и мало думают над тем, чтобы развить его любознательность, склонность к анализу и умение ставить под сомнение полученный результат. Они стремятся избегать всего, что может вызвать неуместный вопрос ученика и разбудить в нем вкус к нетрадиционным приемам обучения.

Более того, ребенок, воспитанный в таких условиях, лишен чего-то, что играет жизненно важную роль в формировании его личности и убеждений. Он лишен знания, которое приобретается в школе, которое проистекает из самой жизни, свободного общения со сверстниками, непосредственного наблюдения за людьми и событиями и влияния окружающей среды в целом. Короче говоря, такому ребенку не хватает всего того, что с течением лет развивает чувство реальности и способность критически относиться к себе и окружающему миру.

При таких обстоятельствах человек должен обладать исключительными способностями, чтобы увидеть окружающие события и вещи в реальном свете, научиться четко мыслить и стремиться к верным целям.

Он оторван от жизни. Он не может представить себе, что происходит за стенами, на которых для его удовольствия нарисованы фальшивые картинки.

Все это очень беспокоило меня, но я знал, что мне не удастся изменить столь плачевное положение вещей. Дело в том, что в русской императорской семье существовала тради-

ция, согласно которой у наследника трона, когда ему исполнялось 11 лет, появлялся воспитатель, который должен был направлять обучение и воспитание наследника. Обычно этим воспитателем был военный, поскольку карьера военного считалась лучшей для будущего государя. Пост воспитателя обычно занимал генерал или бывший начальник какого-нибудь военного училища. Это был чрезвычайно высокий пост в смысле власти и привилегий, с ним связанных. Но самое главное – дело было во влиянии, которое этот человек мог оказывать на наследника, влиянии, которое часто сказывалось в первые годы его правления.

Таким образом, выбор воспитателя был предметом особой важности. От этого зависело, в каком направлении пойдет образование и воспитание Алексея Николаевича, и я ожидал этого события с надеждой и тревогой.

Глава 8

ПОЕЗДКИ В КРЫМ И РУМЫНИЮ. ВИЗИТ ПРЕЗИДЕНТА ПУАНКАРЕ. ГЕРМАНИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ (апрель – июль 1914 г.)

Весной 1914 года императорская семья, как и в прошлые годы, отправилась в Крым. 13 апреля мы прибыли в Ливадию. День был очень яркий и солнечный. Мы были ослеплены светом, который заливал высокие крутые скалы, маленькие татарские деревушки, прилепившиеся к склонам гор, и белые мечети, возвышавшиеся на фоне старых кипарисов на местных кладбищах. Контраст с привычным нашему взору пейзажем был столь разителен, что эта давно знакомая нам страна казалась совершенно волшебной и даже нереальной.

Эти весенние дни в Крыму были отдохновением после долгой, тяжелой петербургской зимы, и мы с нетерпением ждали их.

Под предлогом переезда мы сделали себе небольшие каникулы и использовали выпавшие нам несколько дней, чтобы насладиться этой великолепной природой. Затем возобновились регулярные занятия. Как и раньше, нас сопровождал господин Петров.

В последние месяцы здоровье Алексея Николаевича улучшилось. Он заметно вырос и выглядел очень хорошо, так что настроение у всех было приподнятым.

8 мая царь, желавший сделать сыну подарок, решил, что мы должны воспользоваться одним особенно солнечным днем, чтобы посетить Красную скалу. Мы отправились туда на машине – царь, цесаревич, офицер охраны и я. Матрос Деревенко и дежурные казаки ехали в другой машине. Мы медленно поднимались по склону гор среди величественных сосен, чьи стволы устремлялись ввысь и терялись в шапке из хвои. Скоро мы добрались до цели нашего путешествия – огромной скалы, возвышавшейся над долиной. Создавалось впечатление, что она проржавела от времени.

День был таким чудесным, что царь решил ехать дальше. Мы спустились по северному склону горы. Вокруг было еще довольно много снега, и Алексей Николаевич с удовольствием катался по нему. Он бегал вокруг нас, то и дело скользя, катаясь по снегу, снова поднимаясь и снова падая через две секунды. Казалось, его живая натура никогда раньше не имела возможности до конца искупаться в этом удовольствии. Царь с видимым удовольствием следил за сыном. Было очевидно, как он счастлив, что здоровье сына улучшилось и к нему вернулись силы и жажда жизни. И все же его преследовал страх того, что с мальчиком может что-то случиться, и он то и дело пытался умирить пыл сына. Хотя он никогда вслух не говорил о болезни, которой страдал его сын, она была источником его вечных тревог и печалей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.